

Иваном Виктор Михайлович!

Прежде всего, прошу прощения за задержку ответа на Ваше письмо, был не совсем здоров и занят, а писать насмех не хотелось.

Нужно было углубиться в воспоминания, еще раз пересмотреть альбом старых фотозаписей, переписать довоенные письма, которые гудом читали и были переданы мне моей мамой — машиной сестрой.

За фотозаписи большое спасибо, хотя и не совсем удачно.

Художник, видимо, рисовал портрет мамы с ранней фотозаписи, когда ей было около 30 лет, а ведь в 1941 году маме в феврале исполнилось 48 лет. (1993 год рождения)

Мама, как я ее хорошо помню, была постарше, посмуглее с морщинками на лице. Особенно были заметны

при глубокие предельное морщины и
мама говорила, что это от нас, от
сочиней - Володи, меня и Мими.

Глаза были у мамы большие, серые
глубокие и спокойные, вообще мама
была спокойной, уравновешенной
человеком, редко раздражалась, была
доброжелательна, доверчива, но в
своих действиях и решениях была тверда
и уверена. С ней было спокойно.

Мама была человеком со здоровой
психикой, она была оптимисткой, не
уставала и не боялась трудностей, काम
их у нее было и не мало.

В семье и в районе мама пользовалась
большой авторитетом и это благодаря
ее качествам - справедливости, правдивости
и рассудительности, и еще благодаря
тому, что ~~она была~~ отец наш был

известным и уважаемым в округе человеком. Он когда то был комиссаром округа который с бандитизмом, а последнее время партийным работником в волости.

Мама была женой Саши-комиссара. Нас тоже называли не по фамилии, а по отцу. Говорили: это Влада Саши-комиссара, а после смерти отца — Коль и Миша Нино Павлович.

Я пишу о своей маме так не только потому, что она была моей мамой, а потому, что она была самым дорогим человеком.

Наряду с доброжелательностью и добротой мама была сильным и решительным человеком.

Приезжая из Дно на поезд на ст. Моричи уже поздним вечером, мама не оставалась ночевать, а шла домой одна, лесом,

Волотом, по угрозы в крошечной маме
В последствии и мог с Володей, Боря
пример с матери, никогда не боялись
идти со старшей дочкой любого отца.

Она была так еще и потому, что
знала — мог один остаться, ждал ее и
она шла к маме.

Мама была великой труженицей
и всю жизнь работала и училась.

В 1912 г. окончила церковную женскую
гимназию с педагогическим классом,
потом несколько раз училась в Ленингра-
де на курсах переподготовки, а потом
училась заочно в каком-то педагогиче-
ском институте (написано в ленинград-
ском ин. Герцена).

Се хватало на все.

Нас-то называл у нее было крест —
— вот и управлялась наша мама и

В школе, и в огороде, и с коровой,
стирала, мыла и обшивала нас, а летом
работала в колхозе, на сенокосе, бухгалтер-
ром, счетоводом. Ее постоянно назна-
ли во все ревизионные комиссии -
бухгалтерское дело и учет она знала
приметно.

Кроме того, маму одевали деревянные
модницы, она шила им и перешивала.
Целить она умела и любила.

Собо и нас обшивала и на других хватало
времени, любила исправлять дефекты и
недостатки в покупной одежде или в
подаренной в мастерской.

Почему, как она была рада и довольна,
когда похрустывая она. Выпрямляла вещь
какой-нибудь деревянной девушке.

Как сейчас помню, голову мамин, склонив-
шуюся над машинкой, освещенную кероси-

новой мамой.

Смотришь, смотришь и устешь, а она сидит и что-то мастерит.

Одним словом из маминых рук, как говорится ничего не вышло.

При всей своей занятости мама много читала, очень любила читать, делала это за счет своего сна.

Была у нас по деревенским масштабам неплохая библиотека, книги привозила к нам многодетная мамочка родня.

Мама читала не только про себя, но очень часто устраивала коллективные чтения в школе или у нас дома.

Мне хорошо запомнились эти вечера.

Слушать мамину чтение приходили и дети и взрослые.

Любимую читала "Бруки", "Терас Були" "Вий", много читала Горького, "Собор

парижской Богоматери", "Всадник без головы",
"Тихий дом".

Деревенские приходили слушать с большим
желанием, были отведены дни для
чтения. Прогитанные обсуждались, перече-
тывались, имена героев припоминались
желанием сама по достижимости — отрица-
тельные плохим, положительные — хорошим.

Всегда чтение обрывалось на самом
интересном и, несмотря на кресло почитав-
шее, мама закрывала книгу и объявля-
ла день и час следующего чтения.

Такие чтения устраивались обычно
зимой, после чтения мог долго
кататься с горки, в центре села.

Преподавала мама сначала только
русский язык, а после переподготовки
алгебру, геометрию.

Гостеприимна и общительна была
мама. Летом к нам приезжали

множество гостей, все машина
родня - сестры, братья с семьями.
Приезжали из Москвы - Чуков, из
Ленинграда - Александров, из Днепродзержинска
самый громадный мамин брат
дядя Валерий, которого во время
войны немцы повесили за то, что он
отказался работать на них (он был директо-
ром одного из заводов). Приезжал самый
старший из братьев мамин - дядя Саша,
самый чинный и рассудительный, он
всегда считал своим долгом помогать и
опекать братьев и сестер.

Собирались до 30 человек, обедали
в три приема, спали везде - в комнатах,
на чердаке, на сеновале.

Веселье, шумок хоть отбавляй.
Заботы о питании, размещении гостей,
конечно, лежали на маме, но она

не все драма сама.

Обязанности были распределены на всех, всем находилось дело. Лозунг — „кто не работает, тот не ест“ — у нас был в детстве.

Было организовано два „колхоза“:

„Бабу́й колхоз“ и „Дядя бабу́й двор“ — мужской.

Мишу, как любимчика всех детей и, конечно мамой, мог успешно втравливали в „бабу́й“ колхоз, а он проеся в маму.

Колхозы соревновались не только в работе, но и в проказах.

Не только летом, но и зимой к нам приезжали гости. Мама всегда была рада им.

Зимой приезжал добрый мальчик дядя Костя, младший из маминых братьев, военный топограф, изъездивший всю страну и побывавший за границей, шутник, веселый человек, искусный рассказчик.

Он обитно приезжал похотиться на зайцев. Вот тогда мы, ребятишки, исполняли обязанности загонщиков, за что нам давали вознаграждение из настоящего городского ружья в свою шапку.

Какие же были у мамки увлечения?

Кроме чтения книг, походов, шитья и вышиванья.

Шила она с удовольствием, с увлечением и очень радовалась удачно сшитой вещи.

Любима передвигаться и исправлять.

Полностью, как-то раз зилой рршила за 12 километров деревенская шодница с узлом в руках, развязала его, дремала намото, бросила его маме на руки и сказала: „Что хочешь и как хочешь, а исправь, испортили мне намото в мастерской, сказали, что только мы и можем исправить. И исправилась.

Часть брата что-нибудь вышивать.
Вышивала и тихонько напевала.

Даже тогда, когда пришли немцы
и выгнали всех из деревни, мама в землянке,
у озера вышивала пологие, которое
и сейчас хранится у меня.

Его мне передала та же тетя Зина

И еще, пожалуй, не последнее увлече-
ние — мама любила и умела печь
пирог. Это признавали все ее сестры и
немног братов.

Любила печь и любила угощать.

Пирог печли по праздникам и
когда приезжали гости из города и
привозили муку, рис.

Вкусные были пироги.

Воспитывала нас мама, как я считаю правильно, хорошо, без излишней опеки и сюсюканья, приучала к самостоятельности.

В семье у нас не было скандалов, напряженной обстановки, вражды.

Мама была все время спокойна, уверена и без раздражения, а это отражалось и на нас.

Бывало придет кто-либо из нас с расквашенным носом или с распоротой пяткой, мама без истерик и излишней жалости сделает все необходимое.

Терпеть не могла жалобщиков и драчливых, слезы тоже не были в почете.

Как-то заметил я в коридоре с сылками, воттащили меня, дребезжал до дна и уже весь лодки покрывал, а мама спокойно раздала мне, расстегивая водкой,

43 -
напила чай и на ногу под плут.
На следующий день я опять поехала
на горку.

С детства нам мама привила самостоя-
тельность. Мы хорошо учились, умели
помогать за себя, ноги не били, помога-
ли по хозяйству. Заготовка дров, вскапыва-
ние и поливка огорода, расчистка снега - это
были наши обязанности.

Миша был самым младшим из нас
Рената - старший (1921гг), Я - средний (1927гг),
а Миша - младший (1928 или 29гг)

Миша, как обычно самое младшее, был
всех ближе к маме, был машин сынок
и мог заменить его этим дразнил, а
он кидаясь на нас с кулачками.

Миша был впопыхаливым, восприим-
чивым мальчиком - мечтателем и
воображателем. Играл хорошо на мандолине

Во всех наших детских делах Миша старался от нас не отстать, а мог не всегда его бранить с собой, убегами и тогда были рев, слезы и, конечно, бежали к маме, а мог его дразнить.

Вобщем-то в предвоенные годы Миша повзрослел и даже ездил с кем-то в Ленинград к дяде Косме и тете Кате в гости.

Были он обожным мальчиком, не отличался физической силой и смелостью, боялся гроз, темноты, деревянного кладбища.

После, когда я узнал, что произошло в Должине, я удивился своему братишке — одним ногом идти с донесением, ногой лезет в темный сарай, идет через лес в разведку.

Удивительно, откуда взялся у него духовное и физическое смелое.

Сво же никто не заставил, никто и не уговаривал замешатся этим опасным делом. Видимо заговорила в меня кровь отца. ~~Она~~

Мisha ведь был очень прямолинейным мальчиком, правдивым, честным, настоящим легионером. Не мог он справиться с тем, что пришел вместе с инквизитскими иной порядки. Да, вот как можно преобразовывать человек и ~~ка~~ какой стороны можно показать себя, даже если он еще почти ребенок. Мisha оказался и был настоящим патриотом.

Отец наш Василий Александрович был родом из соседней деревни Тесово. Там, после смерти отца, мы в те времена часто ходили в эту деревню к бабушке, дяде и ласковой старушке.

Она любила нашу маму и, конечно, нас, своих внуков.

Отец, говорим, участвовал во взятии
Зимнего, потом воевал в гражданскую,
а затем вернулся в родные края.

Время было неспокойное, дымили земли,
выбирали комбеды, в лесах были много-
численные банды.

Отца назначили комиссаром округа
по борьбе с бандитизмом.

Там потом и остался отец
Самкин-комиссаром.

После отца работал партийной работой
в Волоости (Смоларусской или Вологовской)
и, насколько я знаю, секретарем Волоостного
комитета ВКП(б).

Работал в районном центре, отец
часто приезжал домой, в Должико,
обычно поздней ночью, когда мы уже
спали.

Помню отца в его неизменном дрессе,

из под которого торчала кобура с наганом, португез, сапоги и кожаная сумка.

Наган приходилось ему прятать, но вот его все равно наводили и не вынимая из кобуры гладиле вороченую сталь пальцами.

Если это было воскресенье, то отец заводил камедон, брал Мишку на руки и ходил по колчанам.

Нам он всегда привозил подарки — то ножички, то какую-нибудь игрушку. Вот тогда кагата у него на ноге.

Отец как-то рассказывал, что они несколько лет тому назад прижали банду и не подбросили оружие в пруд.

Вот потом этот пруд исследовали очень тщательно, как это делают — рывом кагата, обрезают. Они мало за изматом. Вот штаны были во-волокна.

Отец наш умер рано — в 1930 году.

Были он уважаемым в волости человеком, много слышал о нем хорошего от его товарищей и знакомых, которые после смерти отца часто бывали у нас, помогали — то сена привезти корове, то мяса.

Говорили, что были у отца и враги, которых не успел он вывести на чистую воду и которые бьются ~~с ним~~ его.

Остались от отца сапоги, из которых мама сшила себе сапожки, кожаная сумочка да широкий ремень, который (чего греха таить) мать иногда брала в руки. (Видно иногда это было необходимо)

Неизменный его ~~франт~~ и галстук остались на отца, в них его похоронили.

После смерти отца мама замуж не выходила, жила для нас.

К нам переехала бабушка (мать мамы)

маленькая, но властная.

Бабушка распоряжалась хозяйством, давала указания, что и как, спорить с ней никто не смел - и мог, и все ее советы и доггеры с женами и мужьями.

Я, как самый хозяйственный, помогал бабушке по хозяйству и пользовался ее благосклонностью.

Володя был уже взрослым, Маша еще маленьким, вот мог с мамой и были основными исполнителями хозяйственных указаний бабушки.

Жили мог дружно почти никогда не ссорились. ^{Какое-то время в 1935-37 годах у нас жила моя невестка - Вера Васильевна, но однажды она утонула. Я не знаю, жила она, как жена моего сына.}

В 1935 году Володя, а в 1937 году я окончили десятиклассную неполную среднюю школу и мама определила нас учиться в 24^ю железнодорожную школу ст. Спасская Ручья, жили мог в коммунале.

-20-

Устроиться в интернате помогли
товарищи отца.

После окончания средней школы
Володя, а потом и я поступили в
ленинградский военно-механический
институт, где нас и застала война.

В июне 1941 года Володя заканчивал
3^й курс института, а я первый.

Оба мы были демобилизованы, т.е.
признаны негодными к службе в армии.

Володя здоровый, атлетически сложенный
и сильный парень еще в 1939 году переживал,
что его не взяли добровольцем на фронт
(в финскую кампанию) из-за того, что зрение.

Володя, крепкого телосложения и сильного парня
на этот раз пошел на обман — на
комиссию к главному врачу послал своего
товарища с хорошим зрением и после приема
в совершенно-заградительный взвод.

В первый же месяц войны он под Ленинградом попал в страшную "миссору" и до конца войны я о нем ничего не знал.

На мои запросы архивов отвечали, что в списках убитых, умерших от ран и пропавших без вести не числится.

Только после войны я встретил ~~Володу~~ ^{Володу} товарища, с которым он уходил на фронт - Сашу Пачейко.

"Почему Васяна Буслай" - сказал Саша. Володю за смелость и физическую силу ребята называли Васяной Буслай.

Мне не удалось пробиться ни в армию, ни в истребительный взвод, не брали и в ополчение, а воевать хотелось.

Многие из студентов тогда даже не сдавали экзаменов за курс драматургии первой, особенно украинцы - до дому, до каймы.

Мот таких презирали и "хорошо" прово-
жали из общешинки. (Я и Володя жили
в общешинки институте).

Какое было время, какой порыв, сколько
патриотизма! Светлое и трудное было время.

Уходили на фронт, в неслыханный отряд,
в мои забрасывали грузовое добровольцев, а
меня и других беломошенинских шинки не
орали. Моем работам в авиационно-
новых мастерских в Павловске, шинки
шанки и шинки. Из Ленинграда эвакуи-
ровались и не думали, отнимали это
предательством.

В августе 1942 года удалось проникнуть
в один из партизанско-диверсионных
отрядов (№82), который был организован
в Ленинграде и заброшен в мои к немцам.
Отряд действовал в Кенгиссепском районе,
в лесах, болотах. Товарищи, кое что

срами, хлебнули "горячего до сиз", было по нам по 18 лет, а двое разведчиков парней по 15 лет. Командир был опытный, или же многоми финскую войну.

Зимней осенью 1941. были отозваны, перешли линию фронта к своим (из 29 осталось 18). Потом добровольно вступили в армию, это было на Ораниенбаумском направлении под Ленинградом, попал в роту авиомехаников, разведки овен, обдрана, все многого значенья.

В одной из разведок с целью взятия языка был тяжело контужен, разбил очки.

После медсанбата попал в Ленинград, раздобыл новые очки, затем расстрел-батальон, запасной полк, пулеметный дивизион под Тульковым.

Затем Невская Фабрика, Карельский перешеек, снова на Неве — кроков

Блокада и шмиссе-воура, ден, скляне
блокада.

Победа застала меня на острове Саарема,
что в Балтийском море. С острова мы
десантом вошли на немцев и закрепились на
нем, не давали ~~работы~~ ~~ден~~ Ливонской группир-
ровке перескочить на остров.

Все 900 дней в блокаде, на фронте, на передовой.
После войны восстановился в институте,
окончил его в 1950 и был направлен сюда,
в Сталинград.

Теперь приезжали в Старую Руссу, там
есть у нас родственники.

Моя жена, Анна Михайловна, уроженка
и житель (до 1940) в Старой Руссе.

Вот и все. Извините за такое
длинное и беспомощное письмо.

Если что нужно будет еще, напишите - я
попытаюсь выслать.
Посылаю две фотографии маме с дочкой.

С уважением Виль Н.А. Васильев

10 апреля. Волгоград.

Уважаемый Виктор Михайлович!

Спешу выполнить Вашу просьбу.

Посылаю Вам все фотозадачи, которые сохранились у меня, фотозадачи, на которых есть или мама или Миша.

Фотозадачи все любительские, бездельные, но это все, что у меня есть, и эти-то задачи сохранились.

На каждой карточке с обратной стороны я написал, кто там изображен.

Есть несколько групповых фотозадач - это наши многотысячные гости, сейчас почти никого уже и в живых нет. Из сестер и братьев мамы нет никого.

Вам на одной из карточек есть дядя Валериян - средний из братьев мамы, высокий, крупный, ботинки 46 размер, как говорили и самый умный.

До войны он был директором одного из

заводов в Днепродзержинске.

Эвакуироваться не хотел.

Немцы потребовали от него пустить в завод завод, он отказался и был повешен.

На нескольких фотопортретах старший из братьев и сестер - дядя Саша, инженер-механик, улыбка, оживленный, внимательный. Помогал всю жизнь своим младшим братьям и сестрам. У него было три брата и две сестры.

Наверняка многие фотопортреты были и не показаны, но посмотрите, это может вам помочь представить, как жили мама и Миша в канун войны.

Последнее письмо, которое мама писала за несколько месяцев до войны, своему старшему брату дяде Саше.

Последнее письмо Зина и Веры Васильевны, маминые мне на даче.

Также повсюду врезки из газет.

Хорошо, если все это хоть немножко
поможет Вам в работе.

Виктор Михайлович!

Вот спрашиваете, почему Мама с Мишей
поселились у Трифоновых?

Я и не знаю точно, а вернее, забыть.
Вам знала пишешь, что после драки
они переехали к Трифоновым (у них была
пятистенная изба).

Тогда они сгорели, но им просто трудно
было его пожить, а Трифоновы жили
напротив нашего дома.

На даче, которую прислали Вы
мне, дом, в котором мог жить.

В этом же доме некоторое время распола-
гался сельский совет.

Вам пока и все.

Желаю Вам всего наилучшего, успехов
в Вашем благородном деле.

Ваш Н.А. Башлов

Иваном Виктор Михайлович!

Прежде всего, прошу прощения за задержку ответа на Ваше письмо, был не совсем здоров и занят, а писать насмех не хотелось.

Нужно было углубиться в воспоминания, еще раз перепроверить альбом старых фотозаписей, переписать довоенные письма, которые гудом читали и были переданы мне моей мамой — машиной сестрой.

За фотозаписи большое спасибо, хотя и не совсем удачно.

Художник, видимо, рисовал портрет мамы с ранней фотозаписи, когда ей было около 30 лет, а ведь в 1941 году маме в феврале исполнилось 48 лет. (1993 год рождения)

Мама, как я ее хорошо помню, была постарше, посмуглее с морщинками на лице. Особенно были заметны

при рождении предвещное морщинот и
мама говорила, что это от нас, от
сочиней - Володи, меня и Мими.

Глаза были у мамы большие, серые
глубокие и спокойные, вообще мама
была спокойным, уравновешенным
человеком, редко раздражалась, была
доброжелательна, доверчива, но в
своих действиях и решениях была тверда
и уверена. С ней было спокойно.

Мама была человеком со здоровой
психикой, она была оптимисткой, не
унывала и не боялась трудностей, хотя
их у нее было и не мало.

В семье и в обществе мама пользовалась
большой авторитетом и это благодаря
ее качествам - справедливости, правдивости
и рассудительности, и еще благодаря
тому, что ~~она была~~ отец наш был

известным и уважаемым в округе человеком. Он когда то был комиссаром округа который с бандитизмом, а последнее время партийным работником в волости.

Мама была женой Саши-комиссара. Нас тоже называли не по фамилии, а по отцу. Говорили: это Внучка Саши-комиссара, а после смерти отца — Коль и Миша Ниног Павловича.

Я пишу о своей маме так не только потому, что она была моей мамой, а потому, что она была самым дорогим человеком.

Наряду с доброжелательностью и добротой мама была сильным и решительным человеком.

Приезжая из Дно на поезд на ст. Морино уже поздним вечером, мама не оставалась ночевать, а шла домой одна, лесом,

Волотом, но грехи в крошечной семье.
В последствии и мог с Володей, Борей
пример с матери, никогда не бывали
идти со старшей группой много одни.
Она была так еще и помню, что
знала - мог одни остались, ждали ее и
она шла к нам.

Мама была великой труженицей
и всю жизнь работала и училась.

В 1912 г. окончила порховскую женскую
гимназию с педагогическим классом,
потом несколько раз училась в Ленинграде
на курсах переподготовки, а потом
училась заочно в каком-то педагогическом
институте (написано в ленинградском
им. Герцена).

Се хватало на все.

Нас-то пацанов у нее было двое. -
- вот и управлялась наша мама и

В школе, и в огороде, и с коровой, стирала, мыла и обшивала нас, а летом работала в колхозе, на сенокосе, бухгалтером, счетоводом. Ее постоянно назначали во все ревизионные комиссии — бухгалтерское дело и учет она знала отлично.

Кроме того, маму одевали деревянные модницы, она шила им и перешивала. Шить она умела и любила.

Собой и нас обшивала и на других хватало времени, любила исправлять дефекты и недостатки в покупной одежде или в подпорченной в мастерской.

Почему, как она была рада и довольна, когда похваставшись она. Выпрямляла вещь какой-нибудь деревенской девушке.

Как сейчас помню, голову мамин, склонившуюся над машинкой, освещенную кероси-

новой машиной.

Смотришь, смотришь и устешь, а она сидит и что-то мастерит.

Одним словом из маминых рук, как говорится ничего не вышло.

При всей своей занятости мама много читала, очень любила читать, делала это за счет своего сна.

Была у нас по деревенским масштабам неплохая библиотека, книги привозила к нам многодетная мамочка родня.

Мама читала не только про себя, но очень часто устраивала коллективные чтения в школе или у нас дома.

Мне хорошо запомнились эти вечера. Сидят мамин читальня приходили и дети и взрослые.

Любимую читала "Бруки", "Терас Буа", "Вий", много читала Горького, "Сотер

парижской Богоматери", "Всадник без головы",
"Тихий дом".

Деревенские приходили слушать с большим
желанием, были отведены дни для
чтения. Прогитанные обсуждались, переносились,
возвращались, имена героев припоминались
жителям села по достижению — отрица-
тельные толком, положительные — коротким.

Всегда чтение обрывалось на самом
интересном и, несмотря на кривотолковность
еще, мама закрывала книгу и объявляла
день и час следующего чтения.

Такие чтения устраивались обычно
зимой, после чтения мог быть чай
капаться с горю, в центре села.

Преподавала мама сначала только
русский язык, а после переподготовки
алгебру, геометрию.

Гостеприимна и общительна была
мама. Летом к нам приезжали

множество гостей, все машина
родни - сестры, братья с семьями.
Приезжали из Москвы - Глухов, из
Ленинграда - Александров, из Днепродзержин-
ска самый громадный машин брат
дядя Валериян, которого во время
войны немцы повесили за то, что он
отказался работать на них (он был директо-
ром одного из заводов). Приезжал самый
старший из братьев мамин - дядя Саша,
самый чинный и рассудительный, он
всегда считал своим долгом помогать и
опекать братьев и сестер.

Собирались до 30 человек, обедали
в три смены, стали везти - в кошиках,
на чердаке, на сеновале.

Веселье, шутки хоть отбавляй.
Заботы о питании, размещении гостей,
конечно, ведали на маме, но она

не все драма сама.

Обязанности были распределены на всех, всем находилось дело. Лозунг — „кто не работает, тот не ест“ — у нас был в детстве.

Было организовано два „колхоза“:

„Бабу́й колхоз“ и „Дядя бабу́й дух“ — мужской.

Мишу, как любимчика всех теток и, конечно мамой, мог успешно втравливали в „бабу́й“ колхоз, а он проекал в мам.

Колхозы соревновались не только в работе, но и в проказах.

Не только летом, но и зимой к нам приезжали гости. Мама всегда была рада им.

Зимой приезжал добрый мальчик дядя Костя, младший из маминых братьев, военный топограф, изъездивший всю страну и побывавший за границей, шутник, веселый человек, искусный рассказчик.

Он обогнал ирезжан ископчивая на зайцев. Вот тогда мы, ребятами, исполнили обязанности заготовщиков, за что нам давали вотстрелить из настоящего городского ружья в свою шапку.

Какие же были у мамы увлечения?

Кроме чтения книг, походы, шитье и вождение.

Шила она с удовольствием, с увлечением и очень радовалась удачно сшитой вещи.

Любима передвигаться и исправлять.

Полностью кожно раз зилой ржила за 12 километров деревенская шодрица с узлом в руках, развезла его, дремана намото, бросила его маме на руки и сказала: "Что хочешь и как хочешь, а исправь, испортили мне намото в мастерской, сказали, что можно и по и можно исправить. И исправил."

Часто брата mio-любудь богинивать.
 Богинивана и тиконьно каневана.

Даже тогда, когда пришли немцы
 и богинили всех из деревни, мама в землянке,
 у озера богинивана полотенце, которое
 и сейчас хранится у меня.

Его мне передала та же тетя Зина

И еще, пожалуй, не последнее увлече-
 ние — мама любила и умела печь
 пироги. Это признавали все ее сестры и
 брат.

Любила печь и любила угощать.

Пироги пеклись по праздникам и
 когда приезжали гости из города и
 привозили муку, рис.

Вкусные были пироги.

Воспитывала нас мама, как я считаю правильно, хорошо, без излишней опеки и сюсюканья, приучала к самостоятельности.

В семье у нас не было скандалов, напряженной обстановки, вражды.

Мама была все время спокойна, уверена и без раздражения, а это отражалось и на нас.

Бывало придет кто-либо из нас с расквашенным носом или с распоротой пяткой, мама без истерик и излишней жалости сделает все необходимое.

Терпеть не могла мамочек и дядюшек, слезы тоже не были в почете.

Как-то заметил я в коридор с сылками, воткнувшими меня, дубею до дна и уже весь лодки покрывал, а мама спокойно раздала мне, расстегивая водку,

43 -
напила чай и на ногу под плут.
На следующий день я опять поехала
на горку.

С детства нам мама привила самостоя-
тельность. Мы хорошо учились, умели
работать за себя, ноги не били, помога-
ли по хозяйству. Заготовка дров, вскапыва-
ние и поливка огорода, расчистка снега - это
были наши обязанности.

Миша был самым младшим из нас
Венюша - старший (1921 год), Я - средний (1927),
а Миша - младший (1928 или 29 год)

Миша, как обычно самое младшее, был
всех ближе к маме, был машин сынок
и мог заменить его этим дразнил, а
он кидаясь на нас с кулачками.

Миша был впечатлительным, восприим-
чивым мальчиком - мечтателем и
воздушником. Играл хорошо на мандолине

Во всех наших детских делах Миша старался от нас не отстать, а мог не всегда его бранить с собой, убегами и тогда были рев, слезы и, конечно, бежали к маме, а мог его дразнить.

Вобщем-то в предвоенные годы Миша повзрослел и даже ездил с кем-то в Ленинград к дяде Коше и тете Кате в гости.

Были он обожалым мальчиком, не отличался физической силой и смелостью, боялся гроз, темноты, деревенского кладбища.

После, когда я узнал, что произошло в Должине, я удивился своему братишке — одним ногом идти с донесением, ногой лезет в темный сарай, идет через лес в разведку.

Удивительно, откуда взялось у него духовное и физическое смелое.

Сво же никто не заставил, никто и не уговаривал замалчивать эти опасные факты. Видимо заговорила в меня кровь отца. ~~Она~~

Маша ведь был очень прямолинейным мальчиком, правдивым, честным, настоящим легионером. Не мог он смириться с тем, что пришел вместе с инквизитскими иными порядки. Да, вот как можно преобразовывать человек и ~~ка~~ какой стороны можно показать себя, даже если он еще почти ребенок. Маша оказался и был настоящим патриотом.

Отец наш Василий Александрович был родом из соседней деревни Тесово. Таминто, после смерти отца, мог в те времена часто ходить в эту деревню к бабушке, дяде и ласковой старушке.

Она любила нашу маму и, конечно, нас, своих внуков.

Отец, говорим, участвовал во взятии
Тимного, потом воевал в гражданскую,
а затем вернулся в родные края.

Время было неспокойное, дымили земли,
выбирали комбеды, в лесах были много-
численные банды.

Отца назначили комиссаром округа
по борьбе с бандитизмом.

Там потом и остался отец
Сашкой - комиссаром.

После отец работал партийной работе
в Волоости (Смолорусской или Вологодской)
и, насколько я знаю, секретарем волоостного
комитета ВКП(б).

Работая в районном центре, отец
часто приезжал домой, в Должико,
обычно поздней ночью, когда мы уже
спали.

Понимая отца в его неизменном дрессе,

из под которого торчала кобура с
наганом, перстень, сапоги и кожаная
фуретка.

Наган приходилось ему прятать, но
что его все равно находили и не вынимая
из кобуры плавил ворованую сталь
ружьи.

Если это было воскресенье, то отец
заводил камин, брал Мишку на
руки и ходил по комнате.

Наша же всегда привозил подарки —
то ножик, то какую-нибудь игрушку.
Мой любимый наган у него на ноге.

Отец как-то рассказывал, что они несколько
лет тому назад прижали банду и
не подбросили оружие в пруд.

Мой папа этот пруд исследовал очень
тщательно, как это наши — ржавые
наганы, обреза. Он много за изматом
мои штаны была во-волокна.

Отец наш умер рано — в 1930 году.

Были он уважаемым в волости человеком, много слышал о нем хорошего от его товарищей и знакомых, которые после смерти отца часто бывали у нас, помогали — то сена привезти корове, то мяса.

Говорили, что были у отца и враги, которых не успел он вывести на чистую воду и которые бьются ~~с ним~~ его.

Остались от отца сапоги, из которых мама сшила себе сапожки, кожаная сумочка да широкий ремень, который (чего греха таить) мать иногда брала в руки. (Видно иногда это было необходимо)

Неизменного его ~~франта~~ и галюне остались на отца, в них его похоронили.

После смерти отца мама замуж не выходила, жила для нас.

К нам переехала бабушка (мать мамы)

материнская, но властная.

Бабушка распоряжалась хозяйством, давала указания, что и как, спорить с ней никто не смел - и мы, и все ее сыновья и дочери с женами и мужьями.

Я, как самый хозяйственный, помогал бабушке по хозяйству и пользовался ее благосклонностью.

Володя был уже взрослым, Маша еще маленьким, вот мы с мамой и были основными исполнителями хозяйственных указаний бабушки.

Мим и мы дружно почти никогда не ссорились. ^{Какое-то время в 1935-37 годах у нас жила моя крестная -}
 Мисс. - Вера Васильевна, но обычно мы с ней не общались. ^{Я не знаю, жила она, как гласит какой-то слух.}

В 1935 году Володя, а в 1937 году я окончили арзамасскую неполную среднюю школу и мама определила нас учиться в 24^ю железнодорожную школу в г. Сызрань Рурса, мим и мы в интернате.

-20-

Устроиться в интернат помогли
товарищи отца.

После окончания средней школы
Володя, а потом и я поступили в
ленинградский военно-механический
институт, где нас и застала война.

В июне 1941 года Володя заканчивал
3-й курс института, а я первый.

Оба мы были демобилизованы, т.е.
признаны негодными к службе в армии.

Володя здоровый, атлетически сложенный
и сильный парень еще в 1939 году переживал,
что его не взяли добровольцем на фронт
(в финскую кампанию) из-за плохого зрения.

Володя, крепкого телосложения и сильного парня
на этот раз пошел на военный — на
комиссию к главному врачу послав своего
товарища с хорошим зрением и после приема
в совершенно-заградительный взвод.

В первый же месяц войны он под Ленинградом попал в страшную "миссорубку" и до конца войны я о нем ничего не знал.

На мои запросы архивов отвечали, что в списках убитых, умерших от ран и пропавших без вести не числится.

Только после войны я встретил ~~Володу~~ ^{Володу} ~~моя~~ товарища, с которым он уходил на фронт - Сашу Пачейко.

"Почему Васяна Буслай" - сказал Саша. Володю за смелость и физическую силу ребята называли Васяной Буслай.

Мне не удалось пробиться ни в армию, ни в истребительный взвод, не брали и в ополчение, а воевать хотелось.

Многие из студентов тогда даже не сдавали экзаменов за курс драматургии первой, особенно украинцы - до дому, до каймы.

Многих презирали и „хорошо“ прово-
жали из общежития. (Я и Володя жили
в общежитии института).

Какое было время, какой порыв, сколько
патриотизма! Светлое и трудное было время.
Уходили на фронт, в неслыханные отряды,
в то же забрасывали группы добровольцев, а
меня и других белоэстонских шпидера не
брали. Моему работнику в авиационно-
механических мастерских в Павловске, чинили
машину и колеса. Из Ленинграда эвакуи-
ровались и не думали, считали это
предательством.

В августе 1942 года удалось проникнуть
в один из партизанско-диверсионных
отрядов (№82), который был организован
в Ленинграде и заброшен в то же к немцам.
Отряд действовал в Кенгиссепском районе,
в лесах, болотах. Товарищи, кое-что

срками, хлебными "горячего др сиз", было по
нам по 18 лет, а двое разведчиков пареньков
по 15 лет. Командир был опытный, имел
да многолетнюю финскую войну.

Зимней осенью 1941. были отозваны, перешли
линию фронта к своим (из 29 осталось
18). Потом добровольно вступили в
армию, это было на Ораниенбаумском
пятачке под Ленинградом, попал в роту
автоматчиков, разведки овен, оборона,
был местного значения.

В одной из разведок с целью взятия языка
был тяжело контужен, разбил очки.

После медсанбата попал в Ленинград,
раздобыл новые очки, затем распред-батальон,
зональной поли, курьерского дивизиона
под Тучковом.

Затем Невская Фабрика, Каральский
перешел, снова на Неве - кроков

Блокады и шессевоура, дем, скляне
блокады.

Победа застала меня на острове Саарема,
что в Балтийском море. С острова мы
десантом водили немцев и закрепились на
нем, не давали ~~красивых~~ ~~данных~~ Лидовской группир-
ровке перескочить на остров.

Все 900 дней в блокаде, на фронте, на передовой.
После войны восстановился в институте,
окончил его в 1950 и был направлен сюда,
в Сталинград.

Теперь наезжаем в Старую Руссу, там
есть у нас родственники.

Моя жена, Анна Михайловна, уроженка
и житель (до войны) в Старой Руссе.

Вот и все. Извините за такое
длинное и беспомощное письмо.

Если что нужно будет еще, пишите - я
попытаюсь выслать.
Посылаю две фотографии маме с дочкой.

С уважением Виль Н.А. Васильев

